

Завоевание Вестероса XVII.

Дом Хоар Черная кровь.

Из всех семей Железнорождённых ни одна не поднялась так высоко, как Хоры. От Харрага до Кхоредра, Харвина и его внука Харрена, построившего великую крепость, известную как Харренхолл. Разбойники по имени и по природе, Железнорождённые под предводительством Королей Островов и Рек редко были спокойны и никогда не были довольны своей судьбой. В какой-то момент моря принадлежали им, и было сказано, что при Кхоредре Жестоком, где бы человек ни чувствовал запах соленой воды или слышал грохот волн, они принадлежали им и только им.

Со временем, хотя завоеванные земли были потеряны, слава, когда-то известная, была вскоре забыта, и, хотя Хоры все еще правили, не все их вассалы были такими Леалами, как они изображали. Главными среди тех, кто не был, был Дом Кракена и Брата Грейджоя. От Бейлона, считавшего себя королем, до Викатариона, искавшего славы и славы в битвах, или Эурана, известного как Вороний глаз, чье безумие и жестокость искали место, чтобы назвать его собственным, не все было хорошо среди тех, кто грабил. .

Было ли это причиной союза короля Кхоредра с Домом Ланнистеров или это был страх извне и их вассалы среди гренландцев, никто не мог сказать. Что могло и было сказано, так это то, что их вассалы с островов или рек не приведут к их концу, и что море или большие стены Харренхолла не место для укрытия. Ибо какая польза от корабля, когда он сделан из дерева, или крепости, когда она сделана из камня, какую пользу или какую защиту они предлагают от Огня и Крови.

История завоевания рыцаря-дракона.

Маг Марвин.

Харренхолл 300 АС.

Теон Грейджой.

Девушка застонала под ним, и поэтому он толкнулся еще сильнее, ее удовольствие вскоре вызвало его собственное, и ему было все равно, изображает ли она это на самом деле или нет. Хорошую монету он заплатил ей, и, поскольку он чувствовал, что его освобождение приближается, она была потрачена не зря. Ее рыжие волосы лежали на подушках позади нее, а ее соски подпрыгивали при каждом толчке, который он делал. Когда это настигло его, он рухнул на нее и почувствовал, как его семя опустошается внутри.

"Мой принц." — сказала она, затаив дыхание. — Ты погубил меня ради других мужчин. — добавила она, когда он скатился с нее и потянулся за кружкой эля.

"Конечно, у меня есть." — высокомерно сказал он.

Он выпил эль и почувствовал, как его дыхание нормализовалось, когда она вытерла пот с его лба. Глядя на нее, когда она встала с кровати, чтобы привести себя в порядок, он почти снова встал, почти, но не совсем, потому что знал, что весь день был измотан. Тем не менее, он наблюдал за ней, пока она мылась, ее твердая попка лишь слегка покачивалась при движении. Допив эль, он встал с кровати, оделся и, вручив ей лишний серебряный олень, за что получил улыбку и поцелуй, вышел из комнаты в поисках принца Харрена.

Ему не потребовалось много времени, чтобы найти своего друга, и вскоре они и их люди уехали из публичного дома на Фэрмаркете. Харрен, жадный ублюдок, уложил двух младших сестер в свою постель, оставив рыжую Теону, и он все еще немного завидовал своему другу, пока они ехали. Возможно, именно поэтому он настоял на скачках, а может быть, просто ездить было скучно и скучно. Какова бы ни была причина, по которой они вскоре скакали по полям, и как он ни старался, он не мог поспеть за принцем. Раздраженный, расстроенный и запыхавшийся из-за попыток заставить свою лошадь двигаться быстрее, он был счастлив увидеть, как Харрен остановился у ручья, и когда он добрался до него, Теон быстро спешил.

"Ты смухлевал." — сказал он под смех своего друга.

«Мне не нужно жульничать, чтобы победить такого медленного, как ты». Харрен ответил, все еще смеясь.

Как бы он ни ненавидел это признавать, это было правдой. Если не считать лука в руке, Харрен превзошел его по всем параметрам. Теон ни в коем случае не был уродом, и его темные волосы и внешность снискали ему много благосклонности. Харрен, однако, побил его и в этом отношении, его волосы были угольно-черными, а глаза голубыми, как небо. Он был примерно на три дюйма выше Теона и был более мускулистым, чем он, хотя он должен был быть таким, чтобы владеть своим гигантским двойным топором. Более умный, остроумный и принц вдобавок, если бы он не был его ближайшим другом, тогда Теон ревновал бы его гораздо больше, чем он сам.

— Ты действительно думаешь, что волки придут? — спросил Теон, когда они сидели у реки, а их охрана все еще была далеко позади и все еще ехала верхом.

«Они придут, глупость моего отца позаботится об этом». — сказал Харрен, его голос ясно выражал его раздражение.

«Твой отец великий человек». — сказал Теон.

«Мой отец дурак, и это безумие». Харрен ответил, покачивая головой: «Зачем делать из дракона врага, если этот дракон не смотрит в твою сторону?»

«Дракон не сдвинулся с Драконьего Камня, Харрен, теперь он не сдвинется». Теон уверенно сказал, не заметив, как Харрен покачал головой. - Что касается волков, пусть они приходят, после того, как мы покончим с ними, мы сможем пронестись по их землям и, наконец, покорить Север.

Харрен ничего не сказал, и снова Теон не видел выражение лица принца. Если бы он тогда его уверенность, возможно, получил удар. Он собирался рассказать больше о том, что они сделают с волками, и представлял, каково это было бы взять одну из девушек Старков в качестве своей солидной жены, когда раздались крики.

"Засада, засада"

Поднявшись на ноги, он увидел их охранников, и их стало меньше, чем раньше. Даже те, кто ехал на их пути, выглядели ранеными и не в полной силе, и впервые, насколько он мог вспомнить, Теон почувствовал страх. Позади них должно быть больше сотни человек, и если этого недостаточно, чтобы показать, насколько безнадежно обстоят дела, то человек, ведущий их, покажет. Он не раз встречался с Черной Рыбой, но даже его дядя благоговейно отзывался об искусстве этого человека владеть мечом. Он никогда не ожидал, что мастерство будет направлено на него, и все же, похоже, так оно и было.

«Мой принц, мы должны ехать». — обеспокоенно сказал он, и на этот раз Харрен не возражал.

Он проклинал их за то, что они мчались, и их лошади устали, проклинал их за то, что они были так далеко от Харренала, и проклинал своего члена за то, что он побудил его посетить бордель. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, насколько ужасной была их ситуация, поскольку к тому времени, когда они сели верхом, еще четверо их охранников погибли. Когда они тронулись, упали еще двое, и вскоре стало ясно, что они не убегут и не переиграют преследовавших их мужчин.

"Мой принц?" — сказал Теон, когда они были окружены.

«Сир Бринден, я не думал встретить вас здесь и при таких обстоятельствах». — сказал Харрен, и Теон недоверчиво посмотрел на принца, не понимая, как он может быть таким спокойным.

На них напали, в лучшем случае собирались взять в плен, а его принц разговаривал с человеком, который это делал, как будто они только что встретились на прогулке. Он переместил руку к своему луку только для того, чтобы увидеть, как один из охранников ухмыляется ему, пока он держит арбалет в руке. Его смысл был ясен, и Теон быстро переместил руки туда, где их можно было увидеть, скривившись, когда ухмылка мужчины стала расти.

— Твой отец сделал глупость, мальчик, ты что, и теперь будешь таким же глупым, как он? — спросил Черная Рыбка.

«Лучше быть глупым, чем мертвым». — сказал Харрен под смехок Черной рыбы.

— Кто сказал, что мы желаем вам смерти? — сказал Черная Рыба перед тем, как посмотреть на Теона: «Мальчик, поезжай в Харренхолл и сообщи королю, что его сын теперь мой гость».

Теон перевел взгляд с Черной Рыбы на своего принца, который кивнул, а затем, бросив последний взгляд на человека с арбалетом, ускакал прочь. Остаток дня у него уйдет на то, чтобы ехать в Харреналь так медленно, его глаза оглядываются на принца и его похитителей, пока они уезжают. Топор Харрена теперь был привязан к лошади Черной Рыбы, и, хотя он не был связан, было ясно, что спасения не будет. Он задавался вопросом, как король воспримет эту новость, как его отец, и все же, пока он ехал, это было не то, о чем он думал больше всего. Наоборот, это была мысль, что мужчины ждали их и что кто-то, скорее всего, сказал им, где они будут.

Завоевание Вестероса XVIII

Ров Кейлин Ворота на Север и Плакавший Король.

Любая армия, желающая захватить север по суше, должна была сначала пересечь Перешеек, а затем иметь дело с могучим фортом, известным северянам просто как Ров. Пока Север стоял один, Ров отталкивал всех и каждого, кто осмеливался попытаться пройти по нему. Ров Кейлин был настолько важен для обороны Севера, что стал второй резиденцией Дома Старков и на протяжении поколений принадлежал вторым сыновьям Королей Зимы.

Никто из них не был более известен или печально известен, чем Брэндон Сноу, внебрачный брат Торрена Старка и Принца Рва в самые трудные времена. После постоянных попыток захватить Ров и постоянных набегов Короля Рек и Островов, все из которых потерпели неудачу, Брэндон и его брат Торрен собрали армию, подобной которой Север никогда прежде не видел, и собрались у Рва, чтобы наконец разобраться с ближайшими к ним угрозами раз и навсегда.

Это была армия, которая так и не вышла в поход из-за волшебства или просто неудачи, разразилась зимняя лихорадка, и армия, которая увеличилась до 30 000 человек, вскоре сократилась вдвое.

Почувствовав возможность, наконец, присоединить Север к своим владениям и зная, что даже те, кто мог сражаться, слабее, чем когда-либо, Железнорождённые нанесли удар, и Перешеек, Болота и Ров залились кровью. Торрен, Брэндон и сам Ров сдерживали атакующих, и, несмотря на тяжелые потери, Железнорождённые отступили. Хотя они не сделали этого, не забрав последнюю вещь, которую Север не мог позволить себе потерять. Говорят, что когда Торрен смотрел на тела тех, кто умер от лихорадки и битвы, он стоял стоически и бесчувственно. Но когда к нему принесли тело его брата, Торрен упал на колени и заплакал.

Теперь снова война была на уме у Севера, и снова Ров должен был быть ключом. Однако на этот раз его положение и местность вокруг него не будут играть той же роли, что и всегда, поскольку угроза исходит не с суши. Люди, стены, болота и оборонительные сооружения не имели большого значения, когда враг мог просто пролететь над ними или ударить по ним с неба, и пока Рыцарь-Дракон и его армия шли маршем, Север снова затаил дыхание.

История завоевания рыцаря-дракона,

Маг Марвин .

Ров Cailin 300 AC.

Нед Старк.

Они успели вовремя и добрались до Рва менее чем через луну после отплытия из Винтерфелла. Нед был счастлив снова увидеть свой дом, и он, его брат, а также большинство лордов, которые шли с ними, были более чем заинтересованы в том, чтобы снова остаться дома. Погода держалась, и все же походы и походы никогда не были приятными, и сон в одиночестве в палатке не мог сравниться с лежанием в постели рядом с женой. Он почувствовал перемену в своем поведении, как только они достигли окраин его земель, сам воздух казался ему каким-то другим.

За эти годы он усовершенствовал дороги на юг от Рва до Винтерфелла и на восток до Белой Гавани, в то время как остальные его земли остались такими, какими они были всегда. Много раз кто-то предлагал сделать больше с болотами и землями вокруг Рва, и он тоже когда-то так думал. Нед недоумевает, почему они не сделали земли более пригодными для посевов и не взяли часть бремени управления крепостью и гарнизоном с самого Севера. Это его отец вразумил его и объяснил ему, как обстоят дела. Нед до сих пор помнил эти слова, как будто они были сказаны вчера, а не тогда, когда он покинул Винтерфелл, чтобы занять свое место много лет назад.

«Как идет Ров, так идет и Север, Нед. Как бы тяжело и неумолимо это ни было для тех из нас, кто родился здесь, это вдвойне тяжело для любого, кто стремится взять его и сделать своим». — сказал Рикард с полуулыбкой на лице.

« Поэтому земли по-прежнему непригодны для обработки, а еду и другие вещи приходится привозить издалека, не так ли, мудрый отец?» — спросил он, глядя на отца.

« Земли, составляющие его владения, были дарованы Северным Недом безвозмездно. Дастин, Мандерли, Хорнвуд, даже Болтоны, отдали землю, чтобы Ров был устойчивым. Это и уплаченные налоги — все отдается без ропота недовольства, почему вы так думаете?» —

спросил его отец, глядя на него зорким взглядом.

«Чтобы Ров держался». — сказал он и увидел, что его отец кивнул.

«На землях, которыми ты будешь править, было пролито больше крови, чем где-либо еще на Севере, Нед, и со временем на них может быть пролито еще больше крови. Винтерфелл может быть сердцем Севера, но Ров — его душа, никогда забудь этого сына».

«Нет, отец, не буду». — твердо сказал он.

Он сделал все возможное, чтобы соответствовать этим словам, и всегда следил за тем, чтобы Ров был готов устоять. Увидев его вдалеке, он понял, что он выдержит еще раз. Кэт и его дети ждали его и его брата, когда они въезжали в ворота, и Нед улыбнулся им, им и Хоулэнду, когда увидел его на заднем плане. Не было человека, лучше подходящего для гарнизона Рва, кроме его семьи, и если все сложится, то кто знает, что однажды они тоже могут стать родственниками, поскольку Жойен и Арья были одного возраста друг с другом.

«Ров Кейлин принадлежит вам, ваша светлость». — сказала Кэт, когда все во дворе встали на колени, приветствуя нового короля.

«Вставайте, все вы». — сказал Брэндон, прежде чем повернуться к нему и, подмигнув, дал понять, что время для приличий прошло.

"Моя любовь." — тихо сказал Нед, обнимая жену и приближаясь к ней настолько близко, насколько позволял ее вздувшийся живот.

"Робб?" Кэт прошептала ему на ухо, когда она посмотрела через его плечо.

«Старк в Винтерфелле и останется с Креганом». — сказал он и почувствовал, как она расслабилась.

Мысли об их сыне, марширующем с ними, несомненно, заставляли ее волноваться, и он был рад предложить любое облегчение, какое только мог. Поприветствовав Хоулэнда и некоторых из его людей, Нед направился в крепость и, пока шел, понял, что у Кэт на уме что-то другое, а не их сын или его безопасность. Взглянув на Брэндона и Бенджена, они изменили направление и направились к его солярию, а не к Большому Залу, и, оказавшись внутри, он спросил Кэт, что с ней так.

«Мы получили ворона от моего дяди, он взял принца Харрена в заложники». — сказала Кэт, и Нед услышал громкий смех Брэндона.

«Отличная новость, эта гребаная мразь из Железнорожденных заплатит. Я сам снесу ему голову». — сказал Брэндон, все еще смеясь.

— Он всего лишь мальчик, Брэндон. — сказал Бенджен, покачав головой.

«Он гребаный кальмар, трахни его и трахни его дом». — ответил Брэндон.

Железнорожденные, Кальмары, Кракены, Подонки, Шлюхи, Морские Крысы, Маленькие Рыбки — было много имен, под которыми разбойников знали на Севере. То, как они их видели, не делало различий между домами Речных земель, добровольно присягнувшими на верность, и домами самих Железных островов. Хоры были Шлюхами, Грейджои были Кракенами, Ботли были Маленькими Рыбками, и все они были Подонками, Морскими Крысами и Кальмарами. Не

имело значения, какой знак они несли, и для большинства северян единственным хорошим разбойником был мертвец.

«Мы не убиваем детей за преступления их отца, Брэндон. Мы лучше этого». - сказал он, глядя на своего брата. - Кроме того, я считаю, что это был план отца, взять принца в заложники и использовать его, чтобы принудить отца к рукам.

"Хорошо, я не буду убивать кальмара, пока не придется, но его отец умрет, мы можем хотя бы договориться об этом?" — спросил Брэндон с явным раздражением в голосе.

"Да, на это вы не найдете никаких аргументов от меня." — сказал Бенджен, и Нед кивнул, давая понять брату, что чувствует то же самое.

Принц Харрен был того же возраста, что и Робб, и, возможно, именно поэтому возникло его нежелание видеть, как мальчику причиняют вред. Это и тот факт, что он был в плену, и до того, как эта война закончилась, им, возможно, придется обменять его на одного из своих. Он уже собирался послать за элем, когда заметил нервное выражение лица Кэт и понял, что не только ворон с «Черной рыбы» вызвал ее беспокойство.

"Кот?" — спросил он, глядя на нее.

«Это тоже прибыло». — сказала его жена, и он смотрел, как она достает из его ящика окровавленное письмо.

"От кого?" — спросил Брэндон, опережая его.

«Его принес нам один из Фреев, это и что-то еще». Кот сказал, когда Нед открыл письмо: «Тело Мартина Касселя». Кот добавил, останавливая его.

"Тело Мартина, оно здесь?" — спросил он, и Кэт кивнула.

Забыв на время о письме, он поднялся на ноги, и к нему присоединились Брэндон и Бенджен. Кэт направил их в один из подвалов и, направляясь к нему, послал слугу за Родриком и Джори. Когда они вошли в комнату, он был удивлен, увидев, что Мартин, в отличие от своего отца или других, которых отправили обратно к ним, не растерялся. Это заставило его задуматься, было ли послано им сообщение или послано ли оно им сейчас.

— Фрей, ты сказал? — спросил он, и Кэт кивнула, хотя Джори и Родрик прибыли до того, как он успел задать ей еще вопрос.

Он выразил сочувствие им обоим, и хотя он мог видеть их печаль при виде тела, он испытал некоторое облегчение, зная, что они понимают, что Мартина должны похоронить должным образом. Оставив их в комнате и пытаясь понять, почему Фрей вернули им тело и имеет ли это какое-то отношение к Речным землям, он вспомнил письмо и достал его из кармана, чтобы прочитать. В этих словах не было большого удивления, и они объясняли, почему его отец был одновременно так зол и так стремился действовать сейчас.

— Нед? — спросил Брэндон, когда Нед закончил читать.

«От принца Эймона, я думаю, это было отправлено отцу до того, как он отправился на юг».

"Что это говорит?" — с нетерпением спросил Бенджен.

"Ничего хорошего." — сказал он, и когда Брэндон взял это у него и прочитал, его гнев только возрос, и Нед начал задаваться вопросом, не в этом ли дело.

Волантис 300 АС.

Рейгар Таргариен.

Он направился на собрание Высшего Совета и, войдя в комнату, вздохнул. Пока Визерис был там, Эйгона не было, и когда каждый из членов совета поднялся, он сосредоточился именно на этом, поэтому он потратил немного больше времени, чтобы сказать им всем занять свои места. Встреча не была по-настоящему важной, но это была первая полноценная встреча с тех пор, как Артур ушел. Заняв свое место, он оглядел семерых мужчин и одно свободное место.

Технически, поскольку Эйгон был его сыном и наследником, он был вторым по рангу членом совета, хотя на самом деле эта роль досталась Визерису, поскольку его брат был гораздо более послушным, чем его сын. Варис был глазами и ушами Империи, а Малько Мейгир якобы отвечал за повседневное управление их армиями. В то время как его дядя Эймон в значительной степени отвечал за то, чтобы законы Империи соблюдались на всех их землях. Бенерро представлял Красных Жрецов, и, как всегда, вскоре его разговор перешел к представителям Веры Семи. Его двоюродный брат Эйгор отвечал за торговлю и финансы Империи, а Монфорд Веларион теперь отвечал за флот Империи.

Хотя он никогда официально не был членом, Эймон, его сын, тоже сыграл бы здесь свою роль, если бы его путь не привел его в другом направлении. Пока советники разговаривали вокруг него, Рейгар поймал себя на том, что размышляет о двух совершенно разных сыновьях. Эйгон был хорошим наследником и мог бы стать хорошим Верховным Императором, но все больше и больше он проявлял признаки беспокойства. Будь то невыполнение своих обязанностей и обязанностей или несоблюдение своего брачного ложа. Путь Эймона был определен много лет назад, и все, что она сказала об их сыне, оказалось правдой. Настолько, что, несмотря на желание держать его рядом и идти против ее воли, или, по крайней мере, думать об этом более одного раза, в конце концов у нее никогда не было выбора.

— Верховный Император, Верховный Император? — услышал он оклик Эгора.

«Простите меня, джентльмены, я думал о другом». — сказал он и слушал, как Эгор объяснил ему, что представитель Железного банка желает аудиенции.

"Почему, кузен?" — спросил он с любопытством.

«Очевидно, что некоторые губернаторы проявляют небрежность в отношении того, что Железный Банк получает по заслугам, Верховный Император». — сказал Эгор, застигнув его врасплох.

«Наши губернаторы брали кредиты в Железном банке?» — спросил он, потрясенный этой мыслью.

«Нет, Верховный Император, некоторые из их подданных не спешат платить по долгам». — сказал Эгор и кивнул.

Остальная часть встречи была примерно такой же, и кроме Эйгона, прибывшего в середине встречи, ничего примечательного не произошло. Бенерро по своему обыкновению спорил о растущем влиянии септонов и септ, а Монфорд говорил о замене кораблей и моряков, которых Эймон взял с собой в Вестерос. Его дядя Эймон пытался говорить об ослаблении некоторых

законов о наследовании, только для того, чтобы они с Эйгором вступили в спор о поднятых налогах, Эймон на этот раз отступил, и он знал, что это было его здоровье, а не его двоюродный брат был в праве того, кто выиграл день. Варису было нечего сообщить, и хотя весть об отбытии Эймона в Вестерос распространилась повсюду, на данный момент никто не увидел в этом возможности испытать себя против Империи.

"Это будет все." — сказал он, завершая собрание. — Эйгон, подожди меня снаружи, нам нужно многое обсудить. — сказал он, когда его сын поднялся и показал срочность уйти, чего он не показал, придя.

Он приказал Эймону, Визерису и Эйгору остаться и подождать, пока остальные не уйдут. Как только они это сделали, Рейегар налил себе бокал вина и был счастлив, увидев, что его брат и кузен тоже принимают один. Его дедушка, хотя и застрял в воде, учитывая час.

— Кто вызывает трудности с Железным банком, Эйгор? — спросил он, глядя на него, и Визерис присоединился к нему.

«Некоторые из Тринадцати в Кварте, Ксаро Кхоан Даксос — один из главных, а также Кразнис в Миэрине, который утверждает, что захват Эймоном некоторых его людей привел к сокращению его доходов». — раздраженно сказал Эгор.

"Кто здесь из Железного банка?" — спросил он и понял, кто это, по выражению лица Эгора, его слова подтвердили это мгновение спустя.

«Бейлиш». — сказал его двоюродный брат с пренебрежением.

Железный банк действовал по воле и милости Империи, но он был независимым учреждением и служил важной цели. Это позволило гражданам Империи иметь альтернативный источник финансирования, и Империя сохранила за собой четверть доли в нем, но только в своих доходах, а не в управлении. Это было одно из соглашений, подписанных с Браавосом, когда они перешли под контроль Империи. Та степень независимости, о которой он теперь начал думать, была большей проблемой, чем предполагалось изначально.

«Устройте встречу на завтра, он будет нашим гостем сегодня вечером». — сказал он, и Эйгор кивнул. — Ты рассматривал кандидатов на пост командира Второй Армии, брат? — спросил он, и Визерис посмотрел на него.

«Должно быть, это семья, по праву это должен быть Эйгон, но...» — сказал Визерис, и Рейегар кивнул: «Я думал о сыне Деймона, Хейгоне». — сказал Визерис, и Рейегар посмотрел на легкую гордую улыбку на лице Эйгора при упоминании его брата и племянника.

«Он хороший человек, кузен, прекрасный воин, и это будет огромной честью как для моего брата, так и для Миэрина». — сказал Эгор.

— Попроси Монфорда передать сообщение Деймону и Хейгону. Может быть, ты напишешь его, Эйгор, чтобы оно было пока менее официальным? — сказал он, глядя на своего кузена, который кивнул. — Я поговорю с Эйгоном. До вечера. — сказал он, вставая и выходя из зала Высшего Совета.

Эйгон в одиночестве ждал снаружи и сидел и шутил со своими охранниками, когда Рейегар приказал ему следовать за ним. Они вдвоем молча шли по залам Большого дворца, пока не пришли к семейному крылу. Войдя в свои комнаты и обнаружив, что Элия и Дейенерис были где-то в другом месте, Рейегар был почти ошеломлен тем, насколько тихо было в их комнатах.

Его разум все еще был почти потерян в воспоминаниях об обоих сыновьях, как это было последние несколько дней. Когда они были маленькими, они, Рейнис и Дейенерис, производили столько шума, и он обнаружил, что теперь скучает по этому так же сильно, как скучал по своим детям, которых больше не было рядом.

"Где вы были?" — спросил он Эйгона, стряхнув с себя мысли и снова сосредоточившись на своих обязанностях.

"Я проспал." — сказал Эйгон, даже не пытаясь скрыть ложь.

«Теперь все кончено, Эйгон. Я слишком долго позволял тебе позорить свою жену, и ты уклоняешься от своих обязанностей с тех пор, как ушел твой брат».

"Изгнание." Эйгон сказал с рычанием: «Вы изгнали моего брата, он не ушел». добавил он.

«Это не имеет значения, путь Эймона не твой. Я хочу внука, а этого не может случиться, если ты откажешься переспать со своей женой».

«Талиса...».

«Твоя жена и ты навлекаешь позор на нее, на свою мать и на меня своими действиями. Теперь это прекращается, Эйгон, это и это нежелание быть тем, кем ты должен быть. Это твой совет, на который я должен полагаться, Ты должен многому научиться, сынок, и я понимаю, что временами это кажется неблагоприятным занятием, но ты найдешь в этом свою награду, как и я». сказал он, последняя часть его слов намного мягче, чем первая часть.

— Она хочет освободить рабов, отец? Эйгон сказал со вздохом, и если бы их обсуждение не было таким серьезным, Рейегар бы усмехнулся.

«Некоторые рабыни должны быть свободны, все они, если бы это было возможно. Лианна тоже хотела освободить рабов, как и твоя мать. Даже несмотря на то, что я им советовал не делать этого, обе все равно сделали то, что хотели. Кажется, у моей хорошей дочери есть общая черта среди невест. Империи». — сказал он и был рад увидеть легкую улыбку, появившуюся на лице Эйгона.

— Я постараюсь больше, отец. Эйгон сказал, и Рейегар похлопал сына по плечу, когда тот снова сказал: «Я скучаю по ним обоим, отец».

"Как и я." — мягко сказал Рейегар.

Ужин в тот вечер был не из приятных, и именно поэтому он предпочитал, чтобы это были только члены семьи и те, кто был достаточно близок, чтобы он мог есть с ними. Его сестра была, как всегда, очаровательна, а Эйгон был гораздо внимательнее к своей жене, чему Талиса, похоже, была рада. Но больше всего Рейгара беспокоило присутствие маленького темноволосого Бейлиша. Было что-то в этом человеке, что ему не нравилось, и ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, что именно. Рейгар опасался не его двуличного характера или того, что его улыбка никогда не достигала его глаз, а того, как он смотрел на свою сестру.

Империя редко принимала участие в спорах с Железным банком или в его операциях, возможно, им пора было это сделать, поскольку такой человек, как Петир Бейлиш, был человеком, которого следует держать подальше от любой должности, которая давала ему власть. Одни мужчины были довольны своей участью в жизни, другие стремились подняться

как можно выше. Амбиции были хорошей и полезной вещью для Верховного Императора, о которой нужно было знать и вознаграждать, когда это было выгодно. На это также нужно было смотреть с осторожностью, и, глядя на Петира Бейлиша, его амбиции были ясны.

Завоевание Вестероса XIX.

Дом Змеи и Императрица Солнца.

Потомок ройнийской принцессы Нимерии, Дом Мартеллов правил объединенным Дорном более тысячи лет. Тем не менее, они отказались считать себя королями или королевами и вместо этого сохранили рионский титул принца или принцессы. Будь то из-за уникальных земель Дорна, его пустынь и гор, которые мешали силам вторжения закрепиться, или из-за дорнийского духа независимости, Дорн всегда, по крайней мере, по сравнению с некоторыми из других Семи Королевств, оставался относительно мирный под властью Дома Змеи.

Он стремился к малому взаимодействию с другими королевствами и держался отдельно от них почти во всех аспектах, стремясь к более тесным связям с Эссосом, а не с Вестеросом. Возможно, именно это привело к тому, что принцесса Элия искала пару на востоке, а не на западе, или, что более вероятно, сама будущая Императрица Солнца искала дракона в качестве мужа. Независимо от того, почему, к большому удивлению и огромной гордости Дорна, то, что тогдашний принц Рейегар и принцесса Элия были женаты. Когда пришло известие о рождении дочери, некоторые в Дорне подумали, что, возможно, это означает будущую Верховную Императрицу, но Империя не была Дорном, и поэтому, когда рождался сын, именно он, а не его сестра, был назван наследником. .

На протяжении более чем двадцати лет союз между Империей и Дорном, хотя и никогда не был официальным, оставался неоспоримым, и Дорн пожинал плоды своей тесной связи с Домом Дракона. Но, как и в самом Вестеросе, дочь была выше брата или сестры, и, несмотря на веру в то, что к ним прислушиваются сестры, принцы дома Мартеллов вскоре узнали один непреложный факт. В жилах их сестры может течь змеиная кровь, но она вышла замуж за драконов и породила их, и только им Императрица Солнца была обязана своей верностью.

История завоевания Рыцаря-дракона,

Маг Марвин.

Дорн 300 АС.

Рейнис Таргариен.

Они летели почти целый день, и она, Мераксес и Артур устали. Однако Рейнис знала, что им нужно лететь дальше, прежде чем они смогут отдохнуть, и только когда они миновали Штормовые земли, она почувствовала себя достаточно комфортно, чтобы сказать Мераксесу приземлиться. Поляна, на которую приземлился ее дракон, была открыта, без деревьев и кустов, и Рейнис благодарил богов за мягкую погоду. Мысли о том, чтобы остаться здесь под дождем, не те, на которых она хотела бы остановиться.

Несмотря на то, что он мог видеть на много миль вокруг, как только они приземлились, Артур настоял на том, чтобы убедиться, что он осмотрелся, прежде чем он подумает о ослаблении бдительности. Пока он это делал, Рейнис стояла рядом с Мераксесом, и она чувствовала усталость своего дракона. Там было что-то еще, и ей потребовалось мгновение, чтобы понять, что это было нежелание предпринимать это путешествие. Это было странное чувство для ее дракона, и все же это было то, что Рейнис разделяла с ней, поскольку она тоже хотела, чтобы

ее путешествие не понадобилось.

«Я тоже скучаю по ним, но мы не будем вдали от них долго». — сказала она, поглаживая Мераксес в ответ, и ей было приятно слышать трель, которую издавал ее дракон.

— Все в порядке, моя принцесса. — сказал Артур, и она заметила маленькие ветки, которые он держал в руке. Рейнис задалась вопросом, откуда они взялись, ведь вокруг, казалось, не было деревьев.

Ему не потребовалось много времени, чтобы разжечь костер, и, несмотря на то, что он был голоден, Мераксес был явно не в настроении для охоты. Что до нее самой, она улыбнулась, открывая рюкзак и доставая еду, которую Эймон настоял, чтобы она взяла с собой. В этом путешествии для нее не должно было быть черствого хлеба и вяленого мяса, и ее муж сам об этом позаботился. Она была рада его заботе и заботе, и пока они с Артуром ели, она обнаружила, что еда ей тоже очень понравилась.

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы ступали в Дорн, сир Артур? — спросила она, когда они закончили есть.

«Четыре года, моя принцесса. Я сопровождал вашу мать на похороны вашего двоюродного дедушки принца Левина и встречался со своей семьей». — сказал Артур с легкой улыбкой на лице.

— А мой дядя Доран? — спросила она с любопытством.

— Его, принца Оберина, а также некоторых ваших кузенов. — сказал Артур, и Рейнис немного завидовала этому человеку.

Она встречалась с Оберином во время одного из его многочисленных визитов в Волантис, и время от времени он брал с собой своих старших дочерей и даже свою любовницу. Обара, Нимерия и Тиена встречались со всеми, но ни с другими своими кузенами, ни с Арианной, даже когда она посещала Большой Дворец, поскольку Рейнис была в Лисе с Мераксесом в то время.

«Каков мой дядя?» — спросила она, глядя на Артура.

— Принц Доран — осторожный и осторожный человек, моя принцесса, он еще и гордец, и я не думаю, что он обрадуется вашему визиту. — сказал Артур, и она покачала головой.

— Вы верите, что мне угрожает опасность со стороны моих родственников? — почти недоверчиво спросила она.

«Я верю, что то, что вы с Эймоном пытаетесь сделать, принесет вам немного друзей, моя принцесса. Иногда мужчинам нужна причина, чтобы встать на колени, а некоторым мужчинам нужна более веская причина, чем другим, как, я думаю, и вашему дяде». — сказал Артур, и Рейнис прислушалась к его словам.

— А ты, Артур, что ты думаешь о том, что делает Эймон? — спросила она с любопытством.

«Я верю, что вы и ваш брат находитесь на единственном пути, по которому вы можете идти, моя принцесса. Со временем другие пойдут по этому пути вместе с вами, но временами он будет одиноким для вас обоих». — сказал Артур, и Рейнис обнаружила, что не может не согласиться с ним в этом отношении.

Это уже стоило им их семьи или, по крайней мере, времени, проведенного с семьей, и хотя она не сомневалась в том, что делает, это не означало, что она не скучала по семье рядом с ней. Ее дядя, ее тетя, ее брат и мать, и даже ее отец, хотя она тоже была зла на него. Годами он говорил ей, что это неправильно, что ей и Эймону не суждено быть вместе, и она, как послушная дочь, слушала его. Это причинило боль человеку, которого она любила больше всего на свете, и только то, что сердце ее любви было искренним, это все, что оно сделало.

Мысли о том, что Эймон, возможно, отверг ее после того, как она сделала это с ним, были теми, обдумывая которые она заснула. Рейнис пыталась представить себе жизнь, которой бы она жила, если бы застряла на своем пути и не пришла в себя, и была бы она одна и в своей постели, тогда она, возможно, поддалась бы желанию заплакать. Она была не одна, и это был не ее путь, и Эймон не только приветствовал ее с распростертыми объятиями, но и не пытался обвинить ее в том, что она так долго не могла прийти к нему. Воспоминания о его словах, сказанных ей, когда она сказала, как ей жаль, было достаточно, чтобы вызвать улыбку на ее лице и позволить ей уснуть.

« Ты здесь, и мы вместе, что еще важнее этого, любовь моя». — сказал Эймон, целуя ее.

Она проснулась, когда Мераксес приземлился, дракон ушел поесть, пока они спали, и она не удивилась, увидев, что Артур уже на ногах. Прервав пост, они быстро вернулись на спину Мераксеса, и полет в Солнечное Копье занял у них всего несколько часов. Именно Артур указал ей на это и указал, где приземлиться. Рейнис осталась на спине дракона по его приказу, когда всадники выехали им навстречу.

— Какие у тебя дела в Дорне? — сказал ведущий всадник, когда Артур встал лицом к нему, человек смотрел за его спину и смотрел на Мераксеса и Рейнис, воображая, что такое случается нечасто, и на этот раз Артура считают меньшей угрозой.

« Меня зовут сир Артур Дейн, и я сопровождаю принцессу Рейнис Таргариен на встречу с ее дядями». - твердо сказал Артур.

« Меч утра».

« Это действительно дочь принцессы Элии?»

« Она всадница дракона».

Голоса были взволнованными и облегченными одновременно, и затем главный всадник назвал себя сиром Деймоном Сэндом и предложил им присоединиться к нему на обратном пути в Старый дворец. Сказав несколько слов Мераксесу и кивнув Артуру, Рейнис слезла со спины своего дракона и приняла предложение лошади, как и Артур. Это сделало ее прибытие в само Солнечное Копье несколько менее впечатляющим, но дало ей возможность увидеть больше Теневого Города, пока она ехала по нему.

Она слушала, как сир Деймон сказал Артуру, что ее дядя Доран остановился в Водных садах и что Оберин и большинство его детей тоже там. Рейнис чувствовала себя несколько разочарованной этим, пока не обнаружила, что ее кузины Арианна, Тристан и Тиена живут в Старом дворце. Когда они вошли во двор, их встретили двое из троих, и Рейнис сразу поняла, кто из них Арианна. Более темные волосы и маленькая фигура были подарком, основанным на описании ее матери. Тиена была бледнее, белокурее и голубоглазее, а Арианна больше походила на нее и ее мать, чем на девушку рядом с ней.

— Кузина, это действительно ты? — спросила Арианна, лучезарно улыбаясь ей.

— Так и есть, кузен. — сказала она, и ее встретили теплыми объятиями.

"Двоюродный брат." Тиена сказала, как только Арианна отпустила ее, и она тоже обняла ее, а затем по кивку Арианны хлеб и соль были принесены вперед.

"Двоюродный брат?" она спросила.

— Обычай, кузен, не более того. — сказала Арианна, и Рейнис подумала, не считает ли она ее душой.

Тем не менее, она взяла по кусочку каждого, как и Артур, и затем их сопроводили в их комнаты. Не то чтобы она собиралась оставаться здесь дольше, чем нужно. Это был визит не для удовольствия, и хотя она согласилась остаться на ночь и даже наслаждалась устроенным для нее пиром, она пришла навестить не своих кузенов. Утром она приняла предложение свежих лошадей, а затем попрощалась со своими двоюродными братьями. Когда они выехали за ворота, чтобы направиться в Водные сады, она знала, что каждое сказанное ею слово, каждое движение, которое она сделала, было передано ее дядям, которые теперь, несомненно, ждали ее прибытия.

— Ты был прав, Артур. — сказала она тихо, чтобы те, кто с ними, не могли слышать.

"Принцесса?" — спросил Артур.

«Наше присутствие не так приветствуется, как я надеялся». — сказала она, и Артур кивнул.

Ей не нужно было звать ее, Мераксес могла чувствовать то же, что и она, и хотя ее связь была не такой, как у Эймона с Гаэлтихоксом, она была сильной и истинной. Когда они доберутся до Водных садов, дракон будет с ними, их увидят вместе с ними, и она приземлится поблизости. Они могут быть родственниками, но ее кровь не принадлежала им, и когда они услышат ее предложение, они узнают, что это правда. Морковку она им приносила, а палку — ну какая ей была надобность в одном из них, когда ей нужно призвать дракона.

Драконий камень 300 АС.

Марвин.

Он собирал все, что ему нужно для предстоящих сражений, когда прибыл ворон. Марвин удивился, увидев на нем печать Лютоволка, и поэтому поспешил туда, где должен был его принц, чтобы вручить ему перед отъездом. Вместе с остальными он путешествовал на «Гордости Дрифтмарка», а его принц и Торго Нудхо летали на «Гэлитоксе». Он знал, что Эймон намеревался уйти раньше них, чтобы встретиться с остальными их людьми. Поэтому он сбежал по ступенькам к пляжу и надеялся, что еще не опоздал.

Удача была на его стороне, когда он увидел, что Эймон все еще разговаривает с Ауран и остальными, и, не видя вокруг Гаэлитокса, замедлил бег и перевел дыхание. Почти десять лет он был рядом со своим принцем, тезка его принца, принц Эймон, рассказал ему о Рыцарях-драконах и их отличиях от других всадников. Сделав это, Марвин был очарован связью, которую Рыцарь-Дракон имел со своим драконом, и нашел в молодом принце человека, столь же готового, как и его старший дедушка, говорить с ним о таких вещах. Он не питал иллюзий, что теперь стал посвящен во все секреты Дома Дракона, но знал гораздо больше, чем большинство, и этого ему было достаточно.

Знание само по себе было наградой, и, находясь рядом с принцем, он узнал больше, чем когда-

либо мог мечтать узнать где-либо еще. Он видел вещи, за которые те дураки, которых он когда-то назвал своими коллегами по Цитадели, назвали бы его лжецом. Книги, которые он написал, и книга, которую он пишет сейчас, будут жить долго после его смерти, и у него появилось ощущение, что ему еще столькому предстоит научиться. Вестерос был на пороге новой эры, и он был здесь, прямо здесь, в ее авангарде. Ни у одного мастера до него и ни у кого после него не было бы такой возможности, как у него, и поэтому его верность полностью принадлежала его принцу.

«Мой принц, ворон». — сказал он, когда добрался до мужчин.

— Откуда, Марвин? — спросил Эймон, глядя на свиток в своей руке.

«Винтерфелл, мой принц». — сказал он удивленному взгляду своего принца.

Он и остальные затаили дыхание, пока Эймон открывал свиток, и он был удивлен, увидев легкую улыбку на лице своего принца, когда тот читал его. Затем он был еще больше удивлен, когда его принц вручил ему свиток, а не один из других, и пока Эймон говорил с ними, Марвин читал слова про себя.

Принц Эймон,

Меня зовут Эддард Старк, ваш дядя и принц Рва Кейлин. Несмотря на сопротивление моего отца, я сам хотел встретиться с вами с того момента, как узнал о вашем прибытии на Драконий Камень. В течение двадцати лет я думал о своей сестре, и знать, что ее сын достаточно близок, чтобы на самом деле встретиться, наполняло меня радостью. Мой отец был моим королем в той же степени, если не больше, чем он был моим отцом, поэтому я следовал его желаниям. Как вы знаете, мой отец, ваш дедушка был убит, и теперь мой брат, ваш дядя Брэндон, носит корону Королей Зимы. Я поговорил с ним и с его разрешения хотел бы пригласить вас встретиться с нами, когда мы идем, чтобы отомстить за смерть моего отца. Какие бы разногласия у нас ни были, их можно хотя бы обсудить, и я надеюсь, что вы примете это предложение.

Твой дядя.

Принц Эддард Старк.

Это был неожиданный поворот, и он мог видеть, что он застал его принца врасплох. Эймон слушал, как каждый из его друзей высказал свое мнение. Даарио был против, говоря, что он встретил нового короля и тоже был таким же, как его отец. Марвин внимательно слушал, как Даарио сказал, что за ними следили, пока они не покинули Север. Торос тоже не хотел, чтобы Эймон шел на встречу, красный жрец беспокоился, что в игре был обман. Торго Нудо был еще менее воодушевлен этой просьбой, но он знал, что именно слова Аурана одержат верх.

«Рейнис говорит со своей семьей, чтобы попытаться привлечь их на нашу сторону, Эймон. Ты хотел сделать то же самое с ними и со Старками. родился в. Лучше сделать это как почетный гость, чем как враг или завоеватель ". — сказал Ауран, глядя на принца.

«Ты прав, и, по крайней мере, я могу сам судить о людях. Оцени моих дядей и то, с чем мне, возможно, придется столкнуться. Гаэлитокс позаботится о моей безопасности так же, как и о твоём копье, Торго Нудхо. союзником, и если нет, то мы, по крайней мере, будем знать, кто наши враги на самом деле». — сказал Эймон, и Марвин не мог придаться к логике в словах своего принца.

Как будто его только что позвали, Гаэлитокс приземлился, и через несколько мгновений

Эймон и Торго Нудхо оказались на спине дракона и в небе. Поспешив вернуться в свои комнаты, Марвин собрал свои припасы и направился к кораблю, и с наступлением ночи они отплыли, и он смотрел, как Драконий Камень исчезает из его поля зрения. Он не знал, сколько времени пройдет до его возвращения, но когда он сидел и ел с людьми на корабле, он чувствовал волнение, а не страх. Пять раз он участвовал в битвах с рыцарем-драконом и его людьми и пять раз возвращался домой целым и невредимым. Он не сомневался, что это будет шестой.

Водные сады 300 переменного тока.

Оберин Мартелл.

Ворон от его племянницы был сюрпризом, а точнее написанными на нем словами. Доран позвал его в свой солар, чтобы сообщить о прибытии Рейнис в Солнечное Копье, и хотя поначалу он был доволен, через мгновение после того, как выслушал брата, он не был так уверен, что это так хорошо, как он думал. Если бы не ворон от принца Эймона, то и он, и его брат радовались бы и приветствовали свою племянницу на своей родине. Он давно хотел, чтобы она или Эйгон отправились в путешествие и посетили Дорн. Однако ее прибытие произошло так скоро после того ворона, что вызвало некоторые сомнения в его разуме и еще больше в Доране.

— Как ты думаешь, почему она пришла сейчас, брат? — спросил Доран.

« Я не знаю, брат. Что я знаю, так это то, что принц Эймон готовится к маршу и маршу, и в последний раз, когда я видел нашу племянницу, она и он были более чем близки». — ответил Оберин.

" Я думал, что Рейегар запретил такие союзы?" — с любопытством спросил Доран.

« Он сделал это, и я считаю, что это привело к изгнанию, но я не могу быть уверен. Элия не собирается, когда дело доходит до внутренней работы Империи и драконов». Оберин сказал, качая головой.

« Мы должны подождать и посмотреть тогда». — сказал Доран.

В тот вечер они не говорили больше о своей племяннице, ужин прошел тихо, и даже Эллария казалась более сдержанной, чем обычно. Обычно его любовница пыталась подбодрить его, если чувствовала, что он менее чем счастлив, сегодня ночью по какой-то причине она оставила его наедине с его мыслями. Глядя на Дорана, он мог видеть, что его брат был еще глубже погружен в свои мысли, чем он. Он знал, что в какой-то момент Доран намеревался предложить брак между Квентином и Рейнис. Что даже после того, как Элия сказала ему, что этого никогда не произойдет, он намеревался искать принцессу Дейенерис в качестве невесты для своего старшего сына.

Их сестра была непреклонна, хотя ее дети и сестра Рейгара не были Рейгаром, и хотя он мог смотреть на Вестерос, они этого не делали. Если бы Эймон был из ее чрева, а не из чрева Лианны Старк, тогда он не сомневался, что его брат искал бы брака между ним и Арианной, но даже мысли о том, чтобы Рыцарь-Дракон был привязан к его семье, Дорану было недостаточно, чтобы не видеть мальчика как источник стыда.

Таргариены, возможно, прежде женились более чем на одной жене, но в Дорне такого не делали, и Доран так и не простил мальчику того, что ему не подвластно. Это было причиной его резкого ответа ворону Эймона, и Оберин был уверен, что именно это, а также внезапное

желание их племянницы посетить их земли были на уме у его брата, так как они были на его собственных. Однако сон дался легко, и он проснулся рано и провел спарринг, прежде чем разговестись. Его день шел хорошо, пока он не увидел дракона в небе, и хотя он с нетерпением ждал встречи со своей племянницей, он также беспокоился о предстоящем дне.

— Ваш брат предлагает вам присоединиться к нему, мой принц. — сказал слуга, и Оберин поспешил во двор как раз вовремя, чтобы увидеть, как въезжают его племянница и сир Артур Дейн вместе с сиром Деймоном и несколькими охранниками Арианны.

Увидев Артура с племянницей, он и Доран, судя по всему, остановились. Возможно, это был скорее официальный визит, чем они опасались, он на это надеялся и приветствовал свою племянницу теплой улыбкой, когда она вернулась.

«Племянница приветствуется в Дорне». — сказал он счастливо.

«Спасибо, дядя, так приятно снова тебя видеть». — сказала Рейнис, улыбаясь ему в ответ.

«Мои девочки будут так рады вас видеть, позвольте представить вам вашего дядю, Дорана». — сказал он, пододвигая ее к своему брату и сразу заметив, как близко к ней остался Артур.

"Дядя Доран, я давно хотел встретиться с вами." — сказал Рейнис, искренне чувствуя.

— А я, ты, племянница. — ответил Доран.

— Артур, рад тебя видеть, старый друг. — сказал он, приветствуя человека, с которым когда-то был близок, как брат.

— Ты тоже, мой принц.

Почему дракон почувствовал необходимость пролететь над ними именно в это время, он понятия не имел, но, глядя на него в небе, он мог видеть, насколько впечатляющим он был на самом деле. Он не проводил с ними много времени, когда посещал Волантис, не видел их по-настоящему вблизи, и даже когда он наблюдал, как они летают, они летали гораздо выше в небе, чем это. Было ли это предназначено для устрашения, он не мог сказать, но если да, то оно достигло своей цели.

«Возможно, нам следует зайти внутрь, Эллария и девочки очень хотят увидеть тебя, племянница». — сказал он с улыбкой.

"Как я их, дядя." Ответила Рейнис.

Артур двигался так же, как и Рейнис, рукоять Доун виднелась у него за плечом, и всем было очевидно, что хотя он и не ожидал ни от кого здесь опасности, он все равно был к ней готов. Оказавшись внутри крепости, они направились к бассейну, а не к солярию Дорана. Пока они шли по коридорам и, наконец, подошли к большим двустворчатым дверям, ведущим к Элларии и его девушкам, Оберин мог видеть, как Рейнис принимает все, что могут предложить Водные Сады.

Он задавался вопросом, говорила ли Элия с ней о Водных садах и о том, как она провела здесь время, и вспоминает ли его сестра об этом так же нежно, как и он. Учитывая то, как Рейнис смотрела на все вокруг, и маленькую улыбку на ее лице, он был уверен, что так оно и есть. Эллария играла с Дореей и Лорезой, в то время как Элия, Обелла и Нимерия бездельничали, а Обара тренировалась с копьем в руке. Когда его возлюбленная увидела его и Рейнис, она тепло

улыбнулась ему, хотя в ее глазах был вопросительный взгляд, которому ответил его легкий кивок, или, по крайней мере, он на это надеялся.

"Тетя." — радостно сказала Рейнис, и улыбка Элларии стала шире.

«Я так рад видеть тебя здесь, племянница. Позвольте мне представить вам ваших кузенов. Девочки, приходите и познакомьтесь с Рейнис, вашей кузиной». Эллария сказала, что ее голос звучал легко, и в течение следующего часа или около того он сидел и смотрел, как каждая из его девочек и его племянница говорили и смеялись о том или ином.

Счастливые времена не продлились так долго, как ему хотелось бы, и достаточно скоро они направились к солярию Дорана, где на кратчайший момент все стало очень напряженным, поскольку Арео не позволил Артуру войти в комнату. Оберин думал, что Рейнис прикажет своему защитнику ждать снаружи, что она скажет ему, что здесь со своими родственниками ей ничего не угрожает, и когда она не сказала, он начал беспокоиться. Тогда ему стало ясно, что это действительно был гораздо менее дружеский визит, чем он надеялся.

«Сир Артур может стоять за плечом моей племянницы, Арео». — сказал он под пристальным взглядом большого Норвоси, и если бы Доран не добавил к этому свои собственные слова, то, возможно, ему пришлось бы спорить с самим Арео.

— Как прикажете, мой принц. Арео сказал Дорану, а не ему.

Они заняли свои места, и он увидел, как его брат посмотрел на него, прежде чем он посмотрел на Рейнис. Оберин также заметил, что улыбки и расслабленность его племянницы теперь остались в прошлом. Рейнис сидела чопорно и формально и выглядела до последнего дюйма как дочь Верховного Императора, и Оберин должен был признать, что находит ее очень впечатляющей.

— Ты получил ворона от Эймона, дядя? — спросила Рейнис, и Доран кивнул. — И все же вы отказали ему в помощи? она спросила.

«Он не моя кровь». — просто сказал Доран.

«И все же он мой. Он моей матери и моего брата. Но это не имеет значения, потому что он тоже мой муж». — сказала Рейнис, и Доран быстро посмотрел на него.

— Я слышал, твой отец запретил матч? — сказал Оберин, и Рейнис ухмыльнулась.

«Эймон скорее согласился на изгнание, чем сделал то, что велел ему мой отец, дядя. Ты действительно думал, что он так легко сдался?» его племянница гордо сказала: «Воля моего мужа не похожа на волю любого человека, которого вы знаете, дядя. Он хочет, чтобы Вестерос был его, и поэтому он будет его, и Дорн теперь должен принять решение. Поддержать семью или противостоять ей». — сказала Рейнис, глядя на него, а затем на Дорана.

«Дорн всегда поддерживает семью, но Дорн — его собственная деревенская племянница, мы — Непреклонные, Непреклонные и Несломленные, и мы не хотим это менять, даже для вас». — сказал Доран, и Рейнис широко улыбнулась, прежде чем снова заговорить.

«Артур, сколько сражений выиграл Эймон?» — спросила Рейнис.

«Много, моя принцесса. Много раз люди осмеливались встречаться с Эймоном через поле и думали, что они достойны, и много раз они обнаруживали, что на самом деле это не так». —

сказал Артур мягким и почти непринужденным голосом.

"А мой муж человек всепрощающий?" — спросила Рейнис, и фырканья Артура было достаточно в ответ, и поэтому Рейнис продолжила: «У меня нет желания сражаться против моей семьи, и поэтому у Эймона тоже не будет желания сражаться против нее. поддержки и принятия моего мужа и моего собственного правления. Каких договоренностей и благ требует, чтобы преклоняться, преклоняться и все же оставаться несломленным. У вас есть ночь, чтобы подумать об этом, дядя, а завтра мы с Артуром отправимся на Мераксес и присоединимся к моему мужу. ... Если я сделаю это без согласия, то, когда я вернусь в следующий раз, это будет совсем с другой целью, и будет сказано гораздо меньше слов». Рейнис сказала, вставая на ноги: «Я с нетерпением жду вашего ответа».

Оберин смотрел, как Рейнис вышла из комнаты с Артуром на буксире. Он повернулся и увидел разгневанное выражение лица брата, и, хотя он и сам чувствовал часть того же гнева, его также оттеняла гордость. Дочь Элии выросла такой же свирепой, как и ее мать. Она тоже пряталась за любезностями и ласковыми словами, но под ними скрывалась змея, дракон, и им не мешало бы помнить об этом и тщательно обдумывать свой следующий шаг.

Риверлендс/Север 300 АС.

Эймон.

Гаэлитокс взмыл в воздух, и Эймон посмотрел на свои корабли, бросившие якорь в Крабовой бухте, и указал на Торго Нудхо, сидевшего позади него. Они были достаточно далеко от земли, чтобы быть в безопасности и невидимыми, но как только Ауран и остальные прибыли, он понял, что это уже не так. Два, самое большее три дня, и они придут к устью Трезубца, а потом начнется война. У него было не так много времени, чтобы сделать то, что он должен был сделать, но этого было достаточно. Если бы он смог привлечь Север на свою сторону, то одним потенциальным врагом стало бы меньше.

Они будут меньше, чем его собственные люди, но если они будут с ними, остальным его врагам будет о чем беспокоиться. Без них это будет немного сложнее, хотя в конце концов он привлечет на свою сторону других. Как только они узнают правду о нем и Гаэлитоксе, люди начнут искать его и искать место за своим столом, и, в отличие от некоторых битв, в которых он участвовал в Эссосе, здесь были места для захвата. Еще предстоит выяснить, получат ли Север или Дорн одно из этих мест. Думая о Дорне, он быстро подумал о своей сестре. Эймон недоумевал, как Рейнис нашла земли своей матери, и завидовал ей, что ее так свободно приняли в них. Он уже ужасно скучал по ней, хотя прошло меньше двух дней с тех пор, как она лежала в его объятиях.

Они пролетели над Мейденпулом, Островом Лиц и Харренхоллом. Эймон смотрел вниз на внушительную крепость, и даже он был впечатлен ее большими навесными стенами и башнями. Гаэлитокс провел их до границ Западного Королевства, прежде чем они повернули и направились на север, и вскоре он пролетал над тем, что он принял за Риверран, а затем над Близнецами. Он обратил внимание на землю под собой, глядя на нее зорким взглядом, выбирая места, которых он хотел избежать, и места, в которых он был бы наиболее счастлив для войны. Когда они достигли Перешейка, он быстро решил, что это не то место, где он хотел бы застрять. Его болотистая местность станет смертью для любой армии, которая осмелится идти на север, и когда он пролетел высоко над Рвом Кейлин, ему стало ясно, почему Север никогда не был взят.

"Pagon konir Gaelithox" (Гаэлитокс внизу), сказал он, когда Кровавый Змей приземлился на

открытом месте, его пламя вскоре охватило лося, который двигался слишком медленно, когда увидел их.

Теперь они были на самом Севере, в паре миль от Рва, и он был уверен, что они прибыли незамеченными. Пока Гаэлитокс ел лося, Эймон оглядел земли вокруг себя и глубоко вдохнул, а Торго Нудхо убедился, что они одни. На лице Эймона появилась легкая улыбка, когда он закрыл глаза и представил свою мать на этих землях. Ее темные волосы развевались на ветру, когда она мчалась по земле на своей черной кобыле. Даже лучшие наездники Эссоса, дотракийцы, не могли сравниться с его матерью, когда она ехала верхом. Теперь Эймон с любовью вспоминает, как сидел перед ней в седле, пока она мчалась по стенам Кварта.

«Наконец-то я здесь, мама». — тихо сказал он, опустившись на колени и взяв немного рыхлой земли в руки, прежде чем положить ее в небольшой мешочек, который затем привязал к поясу.

Он и Торго Нудхо спали, свернувшись калачиком, рядом с Гаэлитоксом, и это позволяло драконьему теплу согревать их всю ночь. Воздух стал холодным, как только наступила ночь, и все же он обнаружил, что в каком-то смысле предпочитает его жару Эссоса, или, может быть, он просто чувствовал себя более сентиментальным, учитывая, где он был. Когда он проснулся на следующее утро, это было еще до рассвета, и, прервав пост, он снова вдохнул прохладный свежий воздух. Ему очень хотелось увидеть больше этого места, путешествовать по этим землям и увидеть, по чему так ужасно скучала его мать во время своего пребывания в Эссосе. Из ее дневника ему стало ясно, что, хотя она была счастлива в жизни, которую вела, часть ее всегда оставалась потерянной для этих земель.

«Пошли, Гелитокс, пора познакомиться с моими родственниками». — сказал он, кивнув Торго Нудхо, и они забрались на спину Кровавого Змея, а затем направились к Рву Кейлин.

На этот раз они летели гораздо ниже, как он и хотел, чтобы их видели. Меньше всего он хотел, чтобы его прибытие стало неожиданностью и заставило северян с оружием в руках. Если бы они стреляли в него, то даже он не смог бы контролировать гнев своего дракона. Ему потребовалось некоторое время, чтобы найти место, достаточно большое для приземления, и к тому времени, когда он это сделал, он был уверен, что вся крепость знала, что среди них дракон. Когда он и Торго Нудхо слезли со спины дракона, он увидел группу, приближавшуюся к ним. Ему не нужно было оглядываться назад, чтобы понять, что его заклятый щит держит его копьё и готов броситься в бой. Ему также не нужно было смотреть на Гаэлитокса, чтобы знать, что его дракон настороженно наблюдает за теми, кто проезжает его путь.

«Принц Эймон, меня зовут Бенджен Старк, ваш дядя». — сказал темноволосый мужчина, когда Эймон посмотрел на него, чтобы увидеть, сколько от его матери он мог видеть в нем.

Его глаза были скорее голубыми, чем серыми, а волосы были темнее, чем Эймон помнил волосы своей матери. Было что-то в его выражении лица, что вызывало у него раздражение, его самого и, тем более, мужчин с ним. Он не ожидал, что его встретят с распростертыми объятиями, но они попросили его прийти, и это был не такой теплый прием, каким мог бы быть.

«Принц Бенджен, я рад наконец увидеть вас, я давно хотел встретиться с семьей моей матери». — сказал он и был вознагражден более теплой улыбкой дяди.

«Как и я, ты, принц Эймон». — сказал Бенджен.

«Я соглашусь с гостевыми правами, таков обычай в Вестеросе, не так ли?» — спросил он, глядя на то, как настороженно смотрят остальные на него и на Гаэлитокс.

— Да, это так. Смоллджон. Бенджен сказал, обращаясь к человеку, который был кем угодно, только не маленьким: «Отправьте сообщение Рву, чтобы приготовить немного хлеба и соли», — сказал Бенджен с раздраженным взглядом, мужчина двинулся только, увидев взгляд своего дяди.

— Да, мой принц. — сказал не очень Смоллджон, уезжая.

«Мы вернемся пешком, если это не слишком большая проблема, принц Эймон. Мои братья будут очень рады вас видеть». Бенджен сказал, но его слова не показались ему честными.

Здесь происходило что-то, о чем он не подозревал, и поэтому, кивнув Торго Нудхо и оглянувшись на Гаэлитокс, который затем поднялся в небо и пролетел над головой, он пошел рядом с дядей. Он был счастлив видеть встревоженные лица северян, а его дядя пытался, но не смог скрыть свое собственное.

— Дракон куда-то улетает, принц Эймон? — спросил Бенджен, когда они двинулись.

«Кровавый Змей больше всех защищает моего принца». — сказал Торго Нудхо, и Эймон заметил взгляды, которыми его дядя одарил северян, и дракона, пролетавшего прямо над их головами.

Прибытие к самому Рву только укрепило то, что он думал о нем, увидев его с воздуха. Эймон знал, что эта крепость не падет только людям, ни с северной дороги, ни уж точно не с южной. Чтобы захватить эту крепость, потребуется дракон, и даже тогда это займет некоторое время. Когда они вошли во двор, он увидел, что взгляды, которые он получил, были какими угодно, но только не дружескими, и чуть не рассмеялся, когда Гаэлитокс дал понять свое неудовольствие. Кровавый Змей выбрал именно этот момент, чтобы издать рев, от которого некоторые люди в страхе упали на землю. То ли это, то ли слова его дяди Бенджена Смоллджону, ему быстро принесли тарелку с хлебом и солью, и все взгляды во дворе были устремлены на него и Торго Нудхо, когда они взяли по кусочку каждого.

— Я отведу тебя к моему брату, королю. — сказал Бенджен, и Эймон кивнул.

Прогуливаясь по замку, он заметил некоторые взгляды тех, кто проходил мимо. Два мальчика и маленькая темноволосая девочка почти устали на него, в то время как другая рыжеволосая девушка вежливо улыбнулась ему и сделала реверанс, на что он ответил собственной улыбкой, заставившей ее покраснеть. Что касается охранников и некоторых из тех, кто, как он теперь был уверен, были Северными Лордами, то их взгляды были более настороженными и подозрительными. Когда он достиг того, что, как он предположил, было соляром, двое стражников посмотрели на его меч и копьё Торго Нудхо, прежде чем его дядя сказал им, что он принял права гостя. Было ясно, как много думали об этом мужчины Севера, и он был рад, что Марвин подробно объяснил ему обычай.

— Принц Эймон, ваша милость. — сказал Бенджен, когда они вошли в комнату, и Эймон посмотрел на человека, который сидел за столом и носил бронзовую корону, похожую на набор мечей, направленных вверх.

Хотя он сидел, было ясно, что его дядя Брэндон был намного крупнее его дяди Бенджена. Его темные волосы и серые глаза больше походили на глаза его матери, чем на более голубые глаза другого его дяди. Однако по сравнению с другим мужчиной, сидящим за столом, оба его дяди могли быть из другой родословной. Это мог быть только его дядя Эддарт, и все в нем просто кричало ему о Старке. Его каштановые волосы и серые глаза были самыми знакомыми, и если бы его мать стояла с тремя мужчинами в этой комнате, тогда было бы ясно, что она

больше всего родственница Эддарда.

"Ваша милость." — сказал он, слегка кивнув, и повернулся, чтобы оглянуться на своего дядю Брэндона, который смотрел на него глазами, полными ярости, даже несмотря на то, что выражение его лица оставалось заученным.

«Эймон». — сказал дядя почти насмешливо.

«Принц». — сказал Торго Нудхо с ноткой язвительности в голосе, не полным предупреждением, но почти одним.

«Не здесь, его нет». — сказал его дядя, и Эймон был рад, что он поговорил с Торго о правах гостей, иначе его дядя был бы проткнут на конце копья.

— Итак, с любезностями покончено, хорошо, я все равно их ненавижу, черт возьми. — сказал он со смешком и был удивлен ухмылкой на лице своего дяди Эддарда. — Ты просил меня быть здесь, я пришел, теперь давай поговорим о том, что мы должны. — сказал он, отказываясь от предложенного ему места.

«Мы просили вас прийти до того, как мы осознаем вещи, мой принц. Или, лучше сказать, более осведомленными». — сказал его дядя Эддард, и когда он повернулся к нему лицом, его дядя Брэндон быстро поднялся на ноги.

«Я должен убить тебя на месте, мальчик». — сердито сказал Брэндон.

«Лучшие люди, чем вы, пытались и потерпели неудачу, дядя. Но не стесняйтесь испытать свою удачу». — сказал он, передвигая руки по бокам, а затем широко разводя их.

"Достаточно." Бенджен громко сказал, хлопнув ладонью по столу: «Принц Эймон принял право гостя, и ты позоришь нас своими угрозами, брат».

«Особенно те, с которыми вы не можете справиться». — сказал Эймон, услышав громкий вздох Бенджена и шаг вперед дяди Брэндона.

Копье двигалось быстрее любого из них, и если бы Торго Нудхо пожелал смерти своему дяде, Северу понадобился бы новый король. Его дядя Эддард быстро обнажил свой меч, что заставило Эймона обнажить свой собственный, и если бы не громкий рев Гелитокса прямо в этот момент, то он был бы убийцей сородичей, прежде чем покинул бы эту комнату.

«Мне не следовало ожидать меньшего от твоих лживых слов. Твой отец ясно дал понять, что ко мне относится глупо, и я воспринял его смерть как шанс начать все сначала. Я благодарю тебя за то, что ты показал мне ошибочность моего мышления и обещания. что я больше не совершу той же ошибки». — сказал Эймон, рыча, когда он повернулся и направился к двери.

«Ты убил моего отца. Я увижу твою голову на мальчике с шипами, в этом ты можешь быть уверен». — закричал Брэндон, и Эймон повернулся и посмотрел на него, прежде чем почти ринуться обратно к столу.

— Ты смеешь обвинять меня в таком. Ты смеешь называть меня братоубийцей, ты думаешь, я потерплю такое оскорбление? Ты такой же дурак, как и твой отец. Эймон сказал, его голос повысился, как и его гнев: «Когда я желаю смерти человеку, я смотрю ему в глаза или смотрю ему в глаза через поле. Засады, чтобы убить человека, для меньших людей, чем я, поэтому запомните мои слова и запомните их хорошо. Когда я приду за вами, вы увидите, как я иду,

ваша милость. — сказал он, выходя из комнаты, и Торго Нудхо шел с ним.

Он услышал крики своего дяди позади себя и взгляды, которые он и его заклятый щит бросили на охранников, почти осмелились нарушить права гостя. Однако никто из них этого не сделал, и, достигнув двора, он позвал Гейлитокса. Они только что достигли главных ворот, когда его дядя Эддарт догнал его, Эймон, игнорируя крики, которые он направил в свою сторону, призывая его остановиться. Снова Торго Нудхо и его копьё столкнулись с одним из его дядей, и он услышал звуки обнажаемых мечей во дворе.

«Пожалуйста, племянник, давайте поговорим». — сказал его дядя, и Эймон кивнул Торго, который затем убрал копьё. — Спасибо. его дядя сказал, что его облегчение ясно.

«Говори и говори быстро, потому что я не хочу оставаться там, где мне не рады». он сказал, что его гнев все еще ясно для любого, кто мог услышать его.

«Я хочу извиниться за моего брата и за ваш прием, племянник. Смерть нашего отца сильно повлияла на всех нас, и, возможно, мы видим врагов там, где их нет». — сказал его дядя.

«Я не играл никакой роли в смерти моего деда, дядя, и я намерен отомстить за это, как того хотела бы моя мать». — сказал он, и дядя улыбнулся ему.

«Да, хотела бы. Несмотря на проблемы с твоим дедушкой, моя сестра сначала была волком и не позволила бы кому-то навредить стае и уйти с рук». — сказал его дядя, и Эймон немного расслабился.

«Почему твой брат подозревает меня? Твой ворон просил меня прийти, ты подозревал меня тогда? Была ли это всего лишь уловка?» — спросил он, глядя дяде в глаза.

«Я просил тебя прийти, потому что мы родственники. Что до остального? Я бы попросил тебя остаться, Эймон, чтобы поговорить со мной и моими братьями, когда возобладают более ясные мысли. Ночь, одна ночь, когда мы сможем поговорить как мужчины и посмотрим, сможем ли мы прийти к соглашению, я думаю, она хотела бы, чтобы мы попытались?» — почти умоляюще сказал дядя.

Эймон посмотрел на Торго, который покачал головой, и на своего дядю, который, по его мнению, имел в виду только что произнесенные слова. Какая-то его часть хотела просто отвергнуть его, выйти за ворота, и когда они в следующий раз встретятся, это будет армия за армией, мужчина с мужчиной. И все же слова его сестры звучали в его голове так же сильно, как и слова его матери. Это были его родственники, так что, возможно, просить за ночь было не так уж и много.

"Ночь." — сказал он и увидел, как дядя улыбается.

Дом Хор.

Король Кхоред Хоар, возраст 42 года.

Королева Яра Хоар (в девичестве Ботли), 41 год.

Принц Харрен Хоар, 17 лет.

Принцесса Гвинесса Хоар, 15 лет.

Дом Грейджой .

Бейлон Грейджой, 45 лет.

Аланис Грейджой, 45 лет.

Родрик Гриджей, 29 лет.

Марон Грейджой, 27 лет.

Аша Грейджой, 25 лет.

Теон Грейджой, 21 год.

Эурон Грейджой, 43 года.

Виктарион Грейджой, 40 лет.

Аэрон Грейджой, 36 лет.

Умерший .

Принц Кхоред Хоар умер в 283 году З.Э. в возрасте 3 лет от весенней болезни.

Принцесса Аша Хоар умерла в 283 году от З.Э. в возрасте 1 года от весенней болезни.

Дом Мартелл.

Принц Доран Мартелл, 52 года.

Мелларио Мартелл (его жена, разведенная и проживающая в Норвосе), 51 год.

Принцесса Арианна Мартелл (его дочь и наследница), 24 года.

Принц Квентин Мартелл (его сын), 19 лет.

Принц Тристан Мартелл (его сын), 13 лет.

Принц Оберин Мартелл (его брат), 43 года.

Эллария Сэнд (возлюбленная Оберина), 36 лет.

Обара Санд (его дочь), 28 лет.

Нимерия Сэнд (его дочь), 25 лет.

Тайен Санд (его дочь), 23 года.

Сарелла Санд (его дочь), 19 лет.

Элия Санд (его дочь), 15 лет.

Обелла Санд (его дочь), 12 лет.

Дореа Санд (его дочь), 8 лет.

Лореза Санд (его дочь), 7 лет.

Покойный.

Принц Левин Мартелл умер в 296 году от З.Э. в возрасте 66 лет.

Дом Таргариенов из Миэрина (Потомки Деймона Блэкфайра).

Деймон Таргариен, губернатор Миэрина, 38 лет.

Вейсис Таргариен, его жена (в девичестве Зо Лорак), 36 лет.

Хейгон Таргариен (его сын), 19 лет, всадник дракона Тираксес.

Калла Таргариен (его дочь), 16 лет.

Эгор Таргариен, его брат и член Высшего совета, 36 лет (не женат)

<http://tl.rulate.ru/book/86597/2770941>